

УДК 316.64, 316.32

А. Г. Стариш

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ГЕНЕЗИС, СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Формат проблемы

Войдя в третье тысячелетие, человечество должно признать свершившийся факт: формирование ойкумены – социальной составляющей ноосферы – практически завершено. Базой-фундаментом такого утверждения стала тотальная глобализация информационных систем управления государств, позволившая сконцентрировать технологии управления всеми видами материальных и нематериальных ресурсов в информационных центрах, созданных цивилизацией. Соответственно завершено и распределение секторов влияния-управления биосферой [1 – 3].

На данном этапе существования цивилизации наиболее остро обозначился процесс перераспределения существующих геополитических разломов. Процесс перераспределения уже распределенного: достоянием истории стали ялтинско-хельсинкские договоренности XX века, резко ослабла значимость ООН. Встал вопрос о разработке принципиально новых парадигм и технологий управления, сохранения и стабилизации мирового порядка в постхолодновоевропейский период: ощущение неуклонной потери властных полномочий могут констатировать управляющие системы практически всех государств.

Главным вызовом современности стал процесс глобализации.

Семантическая полифония понятия «глобализации» очевидна. Появившись в начале 80-х годов XX века в недрах мировой экономической системы, слово «глобализация» посредством upgrade телекоммуникационных систем быстро диффундировало в иные сферы.

Мировые лидеры в большей или меньшей степени приходят к пониманию ойкумены как единого межсредового информационного пространства (МИП) – общей для цивилизации среды проявления, выявления и сопряжения интересов [2]. Именно борьба за степень владения и, как следствие, степень влияния на социумы, проживающие в постоянно дрейфующих в пространстве и времени границах стратегических интересов того или иного государства, определяет-выкристаллизует технологии поведения формальных лидеров политических систем на международной арене.

Любые действия по изменению скорости дрейфа существующих границ подразумевают наличие как минимум двух сторон – участников процесса: когда интересы одной из них превалируют над интересами другой, когда закрепленные в двусторонних (многосторонних) международных договорах границы государств пересматриваются и нарушается баланс сил (интересов) государств. Всегда найдется как ми-

нимум еще одна сторона, интересы которой прямо или косвенно будут влиять на процессы такой трансформации. И если вплоть до Карибского кризиса активные военные действия начинались с артиллерийской подготовки, то сегодня эту функцию выполняет *информационная интервенция*.

В таком контексте очевидно, что страна, являющаяся инициатором изменения скорости дрейфа границ, с целью минимизации издержек должна владеть максимально возможной информацией о ситуации в стане оппонента. Очевидно также и то, что существующие международные пакты не позволяют в одностороннем порядке изменять физические границы существующих государств. Ситуация, на первый взгляд, патовая. Но выход из нее достаточно прост.

Трансформировать сознание зачастую проще, нежели материю. То есть управлять чужой страной можно через воздействие на ее политическую систему. Очевидно, для этого необходимо реально представлять положение дел в интересующей стране. На практике оказалось, что для такого управления не обязательно управлять социумом этой страны, основной мишенью внешнего агрессора (страны-инициатора) является непосредственно политическая система.

Подобные вызовы современности в сфере информационной безопасности [3 – 5] нуждаются в адекватном ответе. Признание проблемы информационной уязвимости влечет за собой задачи разработки и реализации новейших технологий информационной защиты – как личности, страны, так и цивилизации.

Негативным для конкретного социума следствием тотальной информатизации является давление на национально-культурную идентичность. И если для устоявшихся наций (например, французов или немцев) последствия такого давления не столь очевидны (хотя возможно, что в глобальном смысле именно эти нации первыми примут на себя негативные последствия тотальной информатизации), то для наций, государственность которых соответствует недемократическому или переходному (по шкале теории открытых систем – [2]) типам – это проблема первостепенна. Здесь тотальная информатизация может привести, что можно наблюдать уже сегодня, к размыванию и потере национально-культурной идентичности.

Следовательно, проблема формирования информационного общества, как социума отдельно взятой страны, так и цивилизации в целом, на рубеже тысячелетий достигла своего ситуативно-исторического пика. Неуправляемый процесс появления принципиально новых информационных пространств и сред циркуляции информации обострил вопрос об управляемости информационными процессами: фактически как проблему *информационной безопасности* государства, от которой ныне прямо зависят как внутренняя, так и внешняя политики мировых лидеров.

Межсредовое информационное пространство оказывает мощное влияние на функционирование нормативно-правовой: конституционной сферы государства, делает проницаемой пространственно-временную оболочку правового пространства государства как такового. Это, в свою очередь, приводит к нарушению управляемости как на государственном, так и межгосударственном уровнях.

Тотальная взаимозависимость государств от информационной взаимодиффузии требует концептуального решения проблемы управления-существования всей цивилизации. Ситуативное лидерство США в сфере информационных технологий в кон-

тексте реального политического цугцванга не только не дает основания полагаться на мирового лидера, но фактически заставляет остальных участников мирового политического процесса задуматься над собственными местом и ролью в процессе глобализации. Задуматься над перспективами и над вероятными последствиями, которые вызваны тотальной информатизацией.

Рассмотрим эту актуальную проблему сквозь призму политического, экономического и социального срезов.

Политический срез

Существующие системы контроля информации, включая систему Echelon [6 – 7], не позволяют объективно и адекватно воспринимать циркулирующие информационные потоки. Технологии сопряжения интересов, правила и формы международного сотрудничества и международных отношений, которые предложили миру США («Морской ангел» – 1991, «Гром в пустыне» – 1993, «Совместные усилия» – 1996, «Лиса пустыне» – 1998, «Союзная сила» – 1999, «Расплата» – 2001, «Шок и трепет» – 2003) на фоне транснациональных информационных операций, дают следующие основания для размышлений.

- время и место проведения кампаний 1991 и 1999 годов совпали с попытками Евросоюза ввести в денежный оборот эю и евро;
- мировой энергетический кризис сентября 2000 года вынудил США нарушить конституцию страны и вскрыть неприкосновенные запасы нефти;
- основания и обоснования последних двух кампаний США перед мировым сообществом так до сих пор и не выявлены;
- все эти действия были проведены без санкций ООН.

Стали даже высказываться мнения о том, что обоснования для проведения не только перечисленных кампаний, но и событий 11 сентября 2001 года не только разрабатывались, но и непосредственно «террористические акты» были реализованы соответствующими службами самих США [8].

Вывод становится очевидным:

мировой – данного исторического периода – лидер может справиться с возложенными самим на себя обязанностями, только постоянно нарушая существующие цивилизационные правила и договоры международных отношений.

Таким образом, перечисленные выше факторы позволяют утверждать, что:

- существующие представления о системе-инфраструктуре информационной безопасности государства требуют радикального переосмысления;
- на основании имеющихся методов и технологий государства не способны превентивно реагировать на потенциальные угрозы;
- информация, как самостоятельная субстанция, по мере развития и совершенствования информационных технологий все в большей и в большей степени выходит из-под контроля систем управления цивилизации. Причем такое положение вещей в значительно большей степени связано с наиболее развитыми государствами-системами, пытающимися взять на себя миссию вершителей судеб.

Вероятно, пришло время моделирования и разработки элементов принципиально новой парадигмы аналитических информационных матриц, определяющих методы

и технологии решения проблем безопасности как отдельного государства, так и цивилизации в целом.

Таким образом: *в политической сфере* информационные технологии, ускоряя процессы прозрачности, одновременно катализируют процессы формирования монополий и транснациональных корпораций – надгосударственных образований. Транснациональные корпорации концентрируют материальные и нематериальные ресурсы цивилизации, программируют и перепрограммируют политические системы государств. При этом средства массовых коммуникаций становятся действенным и пластичным инструментом манипуляции общественным сознанием, позволяющим дестабилизировать политическую ситуацию и провоцировать экономический и социальный взрывы.

В заключение этого раздела отметим следующее. Прогнозы, сделанные в 1999 году о коллапсе в ближайшие 15 – 20 лет США как мирового гегемона, едва ли не исчерпывающе совпадают с прогнозами американского исследователя И. Валлерстайна [9].

Экономический срез

Сегодня перечень реформ, которым подвергаются по установке МВФ и Всемирного банка различные страны-акцепторы, известен под названием «Вашингтонский консенсус». Впервые словосочетание «Вашингтонский консенсус» было употреблено в 1989 году американским экономистом Дж. Уильямсоном для обозначения шести базовых рекомендаций, предназначенных для применения-реализации государствами, пожелавшими реформировать свою экономику под соответствующим международным патронатом. Окончательно же сделало обязательным эту установку решение МВФ и Всемирного банка подчинить выделение своих займов принятию государством-заемщиком политики этого консенсуса. Сегодня установки Вашингтонского консенсуса трансформировались в условия предоставления займов МВФ:

- *государственная* политика привлечения инвесторов (предложения самого себя на продажу);
- сокращение до минимума *государственных* программ социального развития;
- превращение систем здравоохранения и образования в набор услуг, предоставляемых на коммерческой основе, отмена субсидий-дотаций на продукты питания и товары первой необходимости;
- создание валютных (*несобственной денежной единицы*) резервов;
- отсутствие государственного контроля передвижения капиталов;

В результате реализации данных установок происходит *ненасильственное* перераспределение ресурсов – от бедных к богатым, осуществляется процесс концентрации и монополизации ресурсов.

В контексте глобализации проблема распределения и перераспределения ресурсов оказалась поднятой с государственного на межгосударственный уровень. Одним из механизмов распределения и перераспределения ресурсов является технология дефолта.

Известно, что дефолты могут быть двух типов: целенаправленный (управляемый сознательно, организованно) и нецеленаправленный – неуправляемый, возникший в

результате несогласованных действий системы управления, вызванных неадекватной оценкой системой управления складывающейся экономической ситуации.

В *нецеленаправленном* дефолте очевидно несопряжение законов природы и законов права.

В случае же *целенаправленного* дефолта – возникает проблема. Управляемый человеком дефолт, как и нецеленаправленный, приводит в итоге к негативным последствиям для стабильности общества. Но не для всех он имеет отрицательные последствия. Выигрывают те государства, в которых дефолт не разрушает гармонии законов природы и законов права.

Процесс глобализации мировой экономики привел к существенному росту количества дефолтов. В ретроспективной оценке причин известных дефолтов вырисовывается достаточно очевидная закономерность:

- *целенаправленные дефолты реализовывались в государствах, обладающих небольшим экономическим весом;*
- *нецеленаправленные дефолты происходили исключительно в экономически мощных державах.*

История невозврата долгов независимыми государствами, в том числе иностранным кредиторам, уходит своими корнями глубоко в античность, но именно на современном этапе развития цивилизации участились случаи дефолтов по долгам дебиторов, вызванные именно тем обстоятельством, что их бюджеты физически не в состоянии обслуживать накопившиеся задолженности.

Таким образом, в экономической сфере информационные технологии спровоцировали колоссальный разрыв между традиционным производством и капиталом, его обслуживающим. Торговые операции на рынке вторичных ценных бумаг, когда предметом купли-продажи является не *материальный*, но *нематериальный продукт* – то есть *ожидание* высокой ликвидности конкретного производства, привели к появлению колоссальной денежной массы, не обеспеченной эквивалентной товарной массой. Мировая экономическая система стала заложницей едва ли просчитываемого спекулятивного капитала, превышающего по своему объему бюджеты подавляющего большинства стран мира. Привязка же национальных валют к мировому монопольному эквиваленту – доллару поставила национальные экономики в жесткие рамки зависимости.

Такая ситуация привела к трансформации внутреннего содержания экономики: традиционные смысловые конструкции оказались «тесными» для нее. И экономика начинает проявлять себя не только как способ хозяйствования, но и как *доминирующая система управления*. В результате традиционные геополитические императивы начинают уступать первенство реалиям геоэкономическим. Смысловые акценты в международных отношениях смещаются от стремления территориального порабощения к порабощению воли и навязыванию постановки целей и задач – видения будущего и достижения стратегических горизонтов, определяемому геоэкономической конкуренцией и масштабным (цивилизационно-централизованным) управлением рисками. Фактически речь идет об информационном воздействии по заданной программе, направленном на трансформацию с целью подчинения или уничтожения произвольной экономической системы. Однако любая система, в со-

ответствии с принципом Ле Шателье–Брауна, катализирует процессы ответной реакции. И, таким образом, в мире разворачиваются виртуальные – не всегда понятные и заметные даже самим участникам мирового экономического процесса – геоэкономические противостояния, которые и закладывают фундамент нового мироустройства.

Социальный срез

Постановка проблем информационно-психологической безопасности социальных систем предъявляет к инструментарию исследований новые требования, принципиально отличные от требований решения проблем информационной безопасности. В основу такого рода инструментария должны быть положены методы, исходно базирующиеся на выделении специфики субъект-субъектных отношений, позволяющие в системе единых представлений исследовать проблемы информационного воздействия на индивидуальное, групповое и массовое сознание.

Невозможно, например, переоценить значимость веры для человека. Вера постоянно требует поддержки и обновления потока информационных образов подсознания.

Более того, если для системы в целом критическим является человеческий ресурс, то для самого человека критическим процессом является именно процесс производства общественного сознания и подсознания индивидуумов. Собственно, главная опасность как раз и состоит в нарушении естественной технологии этого процесса. Производство виртуальной реальности, называемой «общественное мнение» или «массовое сознание», отнюдь не является прерогативой системы управления. Темпы этого процесса по мере приближения к нашему времени увеличиваются, а давление на элементную базу социума – возрастает.

В эволюции цивилизации необходимо признать наличие процесса «ментагенеза», (названного так по предложению российских исследователей В. Лачинова и А. Полякова) – рождения общественного сознания как отдельной самостоятельной сущности [10]. Он явился реальным этапом естественного развития вселенной и цивилизации. Процесс филогенеза начался около 100 тысяч лет назад, перешел в завершающую фазу этногенеза около 15 тысяч и 8-6 тысяч лет назад – в высшую фазу глобального формата процесса этногенеза.

Параллельно этому процессу с соответствующим временным интервалом шел процесс формирования прототипов общественных институтов – социумов. В последние 400 – 200 лет формируются наблюдаемые сегодня их основные типы.

Первые ростки современного ментагенеза целесообразно искать около 400 – 200 лет назад – у истоков первой научно-технической революции. На рубеже XIX и XX веков происходят его массивные всплески, набирают силу религиозные движения, посредством революций воплощаются социальные утопии. Венцом идеологических утопий становится алгоритм тоталитарной системы управления, реализованный на евразийском пространстве. Наступает завершающий этап – 30 – 25 лет назад: появляется Internet, средства массовых коммуникаций глобализируются, количество информационных каналов с тех пор ежегодно удваивается. Коммуникации приводят к колоссальному росту этнических и конфессиональных миграций, потоки

обмена людьми возросли примерно в 100 раз. Как следствие – этнодиффузии социумов, трансформации общественного сознания, неподвластные системе управления.

Симбиоз человека как естественной информационной системы с искусственными информационными системами становится новым этапом эволюции цивилизации. Глобальная инфраструктура телекоммуникационных систем пронизывает биосферу (точнее – топологическую сетку биосферы) горизонтальными и вертикальными нитями взаимосвязи сквозь все уровни иерархии организации, включая каждого человека. Сможет ли цивилизация хотя бы на уровне инстинкта самосохранения сопрячь законы природы и законы права – покажет Время. Время информации как глобального структурообразующего феномена.

Таким образом:

В социальной сфере информационное воздействие приводит к негативному влиянию на духовный мир индивидов, трансформируя индусемиосферы и, как следствие, минисемиосферы [11] по заданной мировым информационным лидером программе. Фактически речь идет об информационной колонизации, которая разрушает традиционные ценности локально-региональных подсистем цивилизации, подменяя их ценностями, присущими обществам технологически развитых стран, оправдывая насилие на геополитической арене, формируя условия для создания социальных информационных резерваций. Мотивация мировых информационных лидеров практически не допускает цивилизационной правовой защиты от «направленных» информационных воздействий. Существует реальная угроза зомбирования не только отдельного человека и социума, но и всего человечества. Какие же из этого следуют выводы?

1. *Глобальная информатизация – массовое внедрение в системы управления и в быт компьютерных технологий – привела к смещению полей сопряжения интересов отдельных индивидов, их групп в виртуальное пространство.*

2. *Виртуальное пространство существенно нивелирует влияние нормативно-правовой базы – Конституции государства на собственный социум, делает пронизываемой пространственно-временную оболочку правового пространства государства как такового. Это приводит к нарушению управляемости процессами трансформации политических, экономических и социальных интересов.*

3. *Лидерство США в области высоких технологий не только не дает основания полагаться на мирового лидера, но фактически заставляет остальных членов ойкумены, участников мирового политического процесса задуматься над собственными местом и ролью в процессе глобализации и над последствиями тотальной информатизации.*

Список литературы

1. Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме). – СПб., 2000.
2. Стариш О. Г. Теорія відкритих систем як парадигма процесів глобального розвитку. – Сімферополь: Універсум, 2003.
3. Макаренко Є. А. Політичні доктрини глобальної інформаційної безпеки. – http://www.its.org.ua/biblioteka/makarenko_18.htm.
4. Стариш А. Г. Глобальное информационное пространство и его воздействие на формирование общественного сознания // Глобальные процессы и региональное развитие. Матер. науч.-практ. конф. «Глобализация: человек, народы, мир». – Севастополь: Мир, 2003.
5. Стариш О. Г. Информационная безопасность государства: Монографія // Регіональні проєкції державної політики. В 2-х т., т. 2. Цикурєнко С. Г., Стариш О. Г. та ін. – Сімферополь: Таврія, 2003.
6. Стариш О. Г. Інформаційні чорні діри. Монографія: Інформаційна безпека: контр-маніпулятивні стратегії // Макаренко Є. А., Рижков М. М., Ожеван М. А., Стариш О. Г. та ін. – К.: Наша культура і наука, 2004.
7. Smith J. W. WHY? A Deeper History Behind the September 11th Terrorist Attack on America, Bloomington, Indiana, 2002.
8. Мейссан Т. 11 сентября 2001 года. Чудовищная махинация / Пер. с франц. – М., 2002.
9. Wallerstein I. The Essential Wallerstein. – New-York: The New Press, 2000.
10. Лачинов В. М., Поляков А. О. Информодинамика, или Путь к Миру открытых систем. – 2-е изд. – СПб., 1999.
11. Стариш А. Г. Информационные матрицы как элементная база ноосферы: Монографія // Регіональні проєкції державної політики. В 2-х т., т. 2. Цикурєнко С. Г., Стариш О. Г. та ін. – Сімферополь: Таврія, 2003.

Поступило в редакцию 12 июня 2004 г.